

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ XX—XXI ВЕКА

УДК 808.2

РУССКАЯ ИДЕЯ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

Е.Г.Акимова

ALEXANDER PROKHANOV'S RUSSIAN IDEA IN THE PHRASEOLOGY MIRROR

E.G.Akimova

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого, Akimova.Katrin@yandex.ru

В статье рассмотрены семантическое своеобразие и функциональные особенности окказиональных фразеологических единиц с компонентом-адъективом «русский» в художественной прозе Александра Проханова. Выявляется роль фразем Русская Победа, Русский Рай, Русский ад, Русское Чудо, Русский Праведник в репрезентации русской идеи писателя и центрального концепта его картины мира — Русскость.

Ключевые слова: фразеологическая единица, окказиональная фразема, узальная фразема, концепт, Русскость

In the article the semantic originality and functional features of occasional phraseological units with an adjective-component "Russian" in Alexander Prokhanov's art prose are considered. The role of such phraseological units as Russian Victory, Russian Paradise, Russian hell, Russian Miracle, the Russian Righteous person in presentation of Russian idea of the writer and central notion of its pictures of the world — being Russian comes to light.

Keywords: phraseological unit, occasional phraseological unit, usual phraseological unit, notion, being Russian

Герои писателя Александра Проханова — государственники — люди, строящие государство, «добывающие» его, по образному замечанию самого писателя, «в великих трудах»: «Народ каждый раз формулирует русскую идею в непомерном напряжении сил, в неповторимом историческом творчестве. Под страшным давлением времени, в огненной вспышке прозрения рождается долгожданный алмаз — новая русская государственность. Плод Русской Победы» [1]. Нетрудно заметить, какую колоссальную роль играет в жизни и творчестве А.Проханова русская идея — идея Русскости.

Русскую национальную идею ещё 250 лет назад сформулировал Иван Шувалов: «Сбережение народа». В наше время эти слова повторил Александр Солженицын. Но Александр Проханов, как замечает Сергей Беляков, решительно с этим не согласен. «Или великая Россия — или никакой России не нужно. Россия и русские живут во имя мистической Русской Победы и Русского Рая» [2]. Идея Русскости понимается писателем «не как "идея рушника, кваса и водки", а как "идея бессмертия"» [3].

Примечательно, что в художественной системе романов Проханова окказиональные субстантивные фраземы с компонентом-адъективом «русский» занимают особое место. Именно этот фразеологический ряд является объектом нашего рассмотрения. Читая Проханова, мы открываем целую палитру подобных фразем: *русская альтернатива, Русская Атлантида, русская идея, Русская Империя, Русская цивилизация, Русский Космос, Русский Праведник, Русский фактор, русский хаос, Русское развитие, Русское Чудо, Русский Рай* и другие.

Рассматриваемые фраземы употребляются писателем в качестве своеобразных «поэтических фразеологизмов» (по терминологии А.Д.Григорьевой [Цит. по: 4]), обладающих яркой образностью. «*Врата Русского Рая*» — *неплохо сказано*», — цинично оценивает антигерой Шершневы из романа «Скорость тьмы» легендарную идею. Герои же, свято верящие в прошлое и будущее России, в разговоре друг с другом отмечают: «*Ты так чудесно сказал. Россия никогда не исчезнет. Ведь помимо земной, есть ещё Россия небесная. Это Русский Рай, где собрались все русские герои и праведники. Ты — герой, ты будешь в Русском Раю*», «...мне умирать не страшно. Ты меня любишь. Нас ждет Русский Рай. Это наша Молода, которую мы воскресим» [5].

Фразема *Русский Рай* в контексте романа «Скорость тьмы» служит наименованием не столько какого-то неопределённого явления, возникшего в воображении героев, сколько на самом деле существующего, вполне конкретного места: «*Они плыли по реке... Казалось, церкви окунули в реку золотые кресты. И он подумал, что их окружает святая вода. Река, по которой они плывут, — святая...*

— *Это наша Молода, — она угадала его счастливую мысль. — Святая река, вытекающая из Русского Рая*» [5, с. 359].

В другом романе Проханова, «Виртуоз», семантическое наполнение фраземы *Русский Рай* конкретизируется и сужается до определенного образа, а именно — Собора Василия Блаженного: «*Привезти в Москву и ссыпать эти священные горсти к основанию Кремлевской стены, левее от Спасской башни, напротив Василия Блаженного, который, как известно, яв-*

ляется образом *Русского Рая*» [6]. В то же время герою того же романа, предполагаемому царевичу Алексею, является страшное видение, что «священный собор утратил образ *Русского Рая*» [6, с. 190].

Отметим, что данный фразеологизм используют в своей речи как герои-циники романа, представляющие собой «лжеэлиту» России, так и герои-праведники. Такое широкое распространение рассматриваемого фразеологизма подтверждает достаточно высокую степень его воспроизводимости как одного из свойств фразеологических единиц. При этом различаются интонации говорящих и подтекстовое значение сочетания. *«Быть может, среди затопленных монастырей и домов, мостовых и надгробных плит находятся врата в Русский Рай, которые скрыты от нас. Колокольня — это весть о Русском Рае, о русских мучениках и святых... Спасите колокольню. По ее ступеням мы спустимся в Молодею, и отыщем врата в Русский Рай»*, — с надеждой говорит героиня-праведница романа «Скорость тьмы» Ольга Дмитриевна, и фраза «Русский Рай» по интонации и смысловому наполнению в ее речи резко отличается от той же единицы в речи других персонажей, например, Шершнева и Маулюса. Кроме того, мы наблюдаем различия и в графической форме написания данного фразеологизма. В случае употребления его антигероями, лишенными веры в будущее России, оба слова в составе фразеологизма пишутся с маленькой буквы: *«Ну, зачем нам космические технологии?... Давайте лучше устроим космический город в районе Сочи. Пусть миллиардеры приезжают сюда, как на Сардинию или Лазурный Берег. Здесь они поймут, что такое русский рай»* [5, с. 104]. Этот пример можно сравнить с использованием того же фразеологизма в эпизоде, раскрывающем уважительное отношение одного из героев романа «Виртуоз» к России: *«Мечтаю построить в районе Сити не унылые стозажные стекляшки... а ослепительный образ Русского Рая»* [6, с. 140].

Русский Рай как образ занимает центральное место в концептосфере Александра Проханова, что подтверждается не только высокой частотностью употребления данного сочетания. Подтверждение сказанному находим в романе «Русский», в котором рассматриваемый нами в составе фразеологизмов ключевой компонент-адъектив занимает сильную позицию — он вынесен в заглавие романа — что в свою очередь говорит о большой семантической нагрузке на компонент в составе фраземы. Главный герой, молодой мужчина по имени Серж, рассуждает так: *«...Я русский, и мой народ мессианский. Оттого все наше величие и наше ничтожество, наше несравненное счастье и невыносимое страдание. Все, к чему я стремлюсь, все мои образы и метафоры — это образы совершенного бытия, метафоры Русского рая»* [7].

Семантическое наполнение окказиональной фразеологической единицы *Русский Рай* сравнимо с семантикой узуального фразеологизма *земной рай* — «необыкновенно красивое или изумительно приятное место, где всего в изобилии, где можно счастливо и безмятежно жить» [8]. *«Этих кротких мест коснулся сталинский план, превративший лазурную райскую*

сказку в железную пыль... Навьючил народ работой по созданию "рая земного", путь к которому, вымощенный кремлевской брусчаткой, лежал через мировую войну» [5, с. 11]. Уточнение, каким был путь к этому *земному раю*, содержащееся в контексте, — *«путь к которому, вымощенный кремлевской брусчаткой, лежал через мировую войну»* — указывает на контекстный синоним *земного рая* — светлое будущее Государства Российского (в данном случае Советского Союза). Именно по «пути, вымощенному кремлевской брусчаткой», уходили на фронт советские солдаты, ценой своей жизни, завоевавшие Великую Победу в мае 1945 года. Поэтому обязательное условие для создания «Рая», по убеждению Проханова, — *Русская Победа*: «Идеологией спасения является Религия русской Победы, мобилизующая великий народ в час страшных испытаний, соединяющая людей огненной верой, превращая поражение в победу» [9].

Лучшие герои романов Проханова живут во имя величайшего события: *«— Ты согласен помочь?... Там, на набережной, на месте расстрела, ты говорил о служении, о Русской Победе!.. Ты, я — мы служим Русской Победе!.. Жертвуем, переходим из огня да в полымя, теряем последние силы, но нас вдохновляет, ведет Вифлеемская звезда великой Русской Победы!..»* [10]. Узуальный фразеологизм *из огня да в полымя* в значении «из одной беды да в большую» [11] в данном контексте подтверждает сложность и опасность пути к победе. Образ *Вифлеемской Звезды* как предвестника грядущего спасения придает *Русской Победе* сакральный смысл.

Для Александра Проханова принципиальна связь идей *Русскости* и *Русской Победы*. Не случайно одна из книг писателя «Поступь Русской Победы» (вышла в свет в 2012 г.) — книга, в которой начертаны идеологические контуры сегодняшнего Государства Российского, рассказывается о русской государственной идее, переживающей сложный период своего становления.

Проханов понимает под *Русской Победой* следующее:

- 1) превосходство ума, силы, красоты, других личностных, преимущественно духовных качеств;
- 2) неизбежное и страстно ожидаемое событие, самое важное в истории Российского Государства, а возможно, и целого мира;
- 3) победа, всегда достигающаяся тяжело, в страданиях и лишениях, а потому не могущая быть аморальной;
- 4) феномен, обладающий таким свойством, как повторяемость, цикличность (ср.: идея Пятой империи Александра Проханова);
- 5) торжество философской идеи о богоизбранности русского народа и России (философия старца Филофея, Ф.М.Достоевского, И.А.Ильина, Н.А.Бердяева, Н.Федорова);

6) доказательство наличия у русского народа особой способности возрождаться, за которую Российское Государство уважают другие народы и государства;

Идея Русской Победы в мировоззрении Проханова неразрывно связана с православием и возможна только на основе этой тесной исторической взаимосвязи.

Примечательно, что *Русскость*, по мнению Александра Проханова, «не определяется родословной, она не определяется даже языком, не определяется вышивкой на косоворотке, она определяется принадлежностью к русскому мессианству. Русское мессианство — это строительство империи, наполнение ее содержанием, смыслом» [12].

Русскость означает «инаковость, отличность от мира. Именно Православие делает нашу страну иной, отличной от других. Оно включает весь человеческий мир, все богатство цивилизаций внутри России, внутри его сакрального ядра» [13]. Поэтому рассмотренный фразеологизм так или иначе призван репрезентировать религиозные прохановские мотивы, своеобразные потому, что в процессе их раскрытия рождаются и получают дальнейшее развитие образы *русских богов, русского Ангела*. Например: «*Между нынешним народом и небом, где обитают «русские боги», святые праведники, неусыпные молитвенники, между нами и хранящими нас ангелами распростерся непроницаемый экран, опущен «железный занавес», не пропускающий прану...»* [14]; «— У России есть свой Человек Неба. Это Юрий Гагарин. Он олицетворяет русскую силу, благородство, красоту, целомудрие. Недаром его называют *русским Ангелом*» [6, с. 40]; «*Спасенное от гибели «русское чудо», ожидавшее Русского Хозяина. Подземная церковь, на страже которой стоял русский ангел, хранитель Русского Будущего»* [14, с. 428-429].

Показательным для творчества писателя становится контрастное сопоставление фраземы *Русский ад* и *Русский рай* как двух возможных либо настоящих форм жизни. Например, «*Эта клиника, как и недавняя колония строгого режима, являет собой образ Русского ада, в который превращена его (Алексея) несчастная родина»* [6, с. 396]. В понимании писателя *Русский ад* — это:

— место, в котором сосредоточилось мировое Зло: либо вся Россия, либо какое-то отдельное место (ср. у Проханова: Москва — вавилонская блудница, Москва — город Вавилон);

— уготованное смертным состояние, которое во имя спасения России преодолевают герои-праведники;

— мучительное наказание за грехи, согласно вердикту, выносимому Высшей силой на Страшном Суде;

— феномен, обладающий мифологической природой, в религии — основа теологического учения о загробной жизни, Добре и Зле и Страшном Суде, который не только ожидает человека после смерти, но и может настичь уже в жизни земной;

— особая форма жизни в России в определенный момент времени, связанная с горем, страданием, смертью людей (чаще всего, в военное время);

— явление, противопоставленное *Русскому Раю*.

Религиозным мотивом объединены окказиональные фраземы *Русское Чудо* и *Русское Воскрешение*. Ср.: «— А теперь самое главное, Виктор, — Виртуоз сосредоточил на выпуклом лбу Ромула свой убеждающий взгляд... «... Твои размышления о мис-

сии русской истории, о *Русском Чуде*, о неизбежном *Русском Воскрешении* ставят тебя вровень с великим Федоровым и его «Философией общего дела» [6, с. 32-34] или «*Вифлеемская звезда вновь воссияет в русском небе. Свершится Русское Чудо. Русское Рождество и Спасение. Это и есть «другая Россия», сокровенная Русь, которая укрылась в глуши и лепечет на птичьем языке невнятные миру слова. Слова о Русском Воскрешении»* [15]. «Нельзя понять историю человечества, не понимая его религиозных переживаний, — уверен Александр Проханов. — То, что я говорю, возможно, больше понятно людям верующим. Я к этому пришел поздно, уже под занавес... Но для метафизиков, для людей, ощущающих метаисторическую реальность, важна такая, например, категория, как чудо. Вот есть *русское чудо*! Такой категории в истории не существует. Но что такое есть постоянное воскрешение русской цивилизации после того, как наступает период очередной катастрофы?! Вся история России — это история катастроф и история воскрешений. Причем катастрофы в русской истории бывают так глубоко, такой ужас и так страшно, что, кажется, должна исчезнуть и вся русская цивилизация. Но случается нечто, что спасает эту цивилизацию! И историки тебе не скажут почему...» [16].

Русскость Проханова неизбежно связывается с идеей обновления, воскрешения, следующего после апокалиптического действия. «Жизнь под Господом не менее трагична, чем жизнь без Господа. Страх Божий — это одно из самых трагических переживаний. Апокалипсис — это верх трагедии. Однако настоящая трагедия все равно заканчивается высшим стоицизмом. За пределами земной гибели стоит сам факт героической их гибели. Сама гибель — это форма преодоления трагедии. Апокалиптическая картина кончается новым Иерусалимом. «... Вот этим ощущением грядущего обновления и живут мои герои, — объясняет Александр Проханов. — Они своим сопротивлением формулируют грядущее очищение» [17].

Окказиональные фразеологизмы наделены в романах Проханова сюжетобразующей функцией. Для примера обратимся к роману-трагифарсу «Крейсерова соната», посвященному катастрофе «Курска»: «*Из-за груды рассыпанных, пламенеющих сердцевиной арбузов выскочила молодая седовласая женщина с зелеными глазами. Кинулась на творящееся возмездие скинхеда, вцепилась ему в кожанку... — Окстись! Ты же русский сын». Оглянись скорей! К нам идет Праведник!.. Пора встречать Русского Праведника!..»* [18]; «— Граждане божжи!.. — гремел расходящийся воронкой звук. — К вам обращаются агенты спецподразделения «Блудящие вместе»!.. В ваших рядах находится некто, кто называет себя *Русским Праведником!.. Он — самозванец!.. Он не прошел всероссийскую перепись населения и тем самым нарушил гражданский долг!.. Отдайте его нам... / — Это за тобой? — спросил Плужникова Иван Иванович. — Ты — Русский Праведник? / — Я — странник... Явился неизвестно откуда...»* [18, с. 444-445]. *Русским Праведником* называют в романе «душу» капитана-лейтенанта Сергея Плужникова, погибшего при зато-

плении подводного крейсера «Москва», согласно писательскому замыслу. «Душа» подводника имеет телесную оболочку и приходит в мир живых людей, с борта погибшей «Москвы» в Москву-столицу, терпящую нравственную гибель и духовное разложение, с миссией спасения. Именно поэтому о нем сказано одной из второстепенных героинь романа: «**Русский Праведник совершил великое чудо!.. Пришел в Москву Русский Праведник нам во спасение!.. Он беса гонит и Москву спасает!.. Здесь был Русский Праведник!.. Слышите, воздух цветущими липами пахнет!.. Слышите, колокола сами собой звонят!..**» [18, с. 464]. Наименование души героя романа в процессе развития событий в художественном мире произведения становится окказиональной субстантивной фраземой.

Рассмотренные нами фраземы способствуют созданию представления о романах Проханова как о художественных текстах, для которых характерно, говоря словами Г.О.Винокура, «языковое новаторство» [цит. по: 4].

Таким образом, *Русскость* для Александра Проханова является основополагающей идеей творчества и философии, центральным концептом его авторской картины мира. Под концептом «*Русскость*» писатель Проханов понимает следующее:

1) феномен, отличающий народ Государства Российского от всех других народов мира и раскрывающий природу русского характера;

2) антиномия внутренней и внешней жизни русского народа;

3) свидетельство мессианского предназначения русской истории и божественного предназначения русского народа: специфики России как единого национального организма, выражающего неповторимый религиозный опыт русского православия и служащего осуществлению замысла Бога о России;

4) особая, часто не понятная другим, природа каждого русского человека в отдельности и всего русского народа в целом;

5) причина многочисленных страданий русского народа на протяжении всей его истории становления и развития и залог грядущего народного счастья Государства Российского;

6) характерное свойство личности и народа, определяющее, с одной стороны, внешний вид русского человека, модели поведения, стиль быденной и сакральной жизни, а с другой, — внутренние качества индивидуального и национального характера.

Таким образом, окказиональные фраземы с компонентом-адъективом *русский* в своем составе занимают важнейшее место в идиостиле Александра Проханова. Употребление их, с одной стороны, раскрывает особенности индивидуальной писательской манеры автора, а с другой, — становится способом характеристики художественных образов. Для А.Проханова характерно специфическое понимание *Русскости* и осознание ее как непоколебимой основы для всей его авторской картины мира.

1. Проханов А.А. Симфония Пятой Империи. М., 2007. 288 с.
2. Беляков С. Проханов. Апология злодея // Частный корреспондент. 2009. №10. С.14.
3. Проханов А.А. Надпись. Роман // Собрание сочинений: В 15 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т.13. С. 595.
4. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология: монография; под науч. ред. А.М.Мелерovich. Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2011. С.12.
5. Проханов А.А. Скорость тьмы. Роман // Собрание сочинений в 15 т., М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т.15. С.357.
6. Проханов А.А. Виртуоз. Роман // Собрание сочинений в 15 т., Т. 12. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 66.
7. Проханов А.А. Русский. Роман. М.: РИПОЛ классик, 2011. С. 233.
8. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. М., 1997. С. 591.
9. Проханов А.А. Религия русской Победы [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/user/alexandrprohanov/content/735555> (дата обращения: 12.01.2015).
10. Проханов А.А. Господин Гексген. Роман // Собрание сочинений: В 15 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 6. С. 414.
11. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991. С. 134.
12. Проханов А.А. Россия — имперский проект // ЯРновости, 28.08.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://yarnovosti.com/rus/interview/Alexandr_Prohanov (дата обращения: 12.01.2015).
13. Проханов А.А. Технологии «Пятой Империи» [Электронный ресурс]. URL: <http://read24.ru/read/aleksandrprohanov-tehnologii-pyatoy-imperii> (дата обращения: 12.01.2015).
14. Проханов А.А. Пятая империя. Роман // Собрание сочинений: В 15 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 11. С. 152.
15. Проханов А.А. Холм. Роман // Собрание сочинений: В 15 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 14. С. 159-160.
16. Кузменкин В. Александр Проханов: «Я верю в русское чудо!» // Сибирь. Момент истины, Правовая, Общественно-политическая газета Сибирского ФО. 20 апреля 2012. С.2.
17. Бондаренко Вл.Г. Интервью с писателем Александром Прохановым // День литературы 8.1998. №2. С. 3.
18. Проханов А.А. Крейсера соната. Роман // Собрание сочинений: В 15 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 8. С. 288.

References

1. Prokhanov A.A. Simfoniya Pyatoy Imperii [Symphony of the fifth empire.] Moscow, 2007. 288 p.
2. Belyakov S. Prokhanov. Apologiya zlodeya [Apology of the villain]. Chastnyy correspondent, 2009, no. 10, p.14.
3. Prokhanov A.A. Nadpis'. In: Prokhanov A.A. Coll. works in 15 vols. Moscow, Knizhnyy Klub Knigovek Publ., 2010. Vol.13, p. 595.
4. Tret'yakova I.Yu., Melerovich A.M. (ed.). Okkazional'naya frazeologiya: monografiya [Occasional phraseology: the monography]. Kostroma, KSU Publ., 2011, p.12.
5. Prokhanov A.A. Skorost' t'my [The speed of darkness]. In: Prokhanov A.A. Coll. works in 15 vols. Moscow, Knizhnyy Klub Knigovek Publ., 2010, vol. 15, p.357.
6. Prokhanov A.A. Virtuoz [Virtuoso]. In: Prokhanov A.A. Collected works in 15 vols. Moscow, Knizhnyy Klub Knigovek Publ., 2010. Vol. 12, p. 66.
7. Prokhanov A.A. Russkiy [Russian]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2011, p. 233.
8. Yarantsev R.I. Russkaya frazeologiya [Russian phraseology]. Slovar'-spravochnik. Moscow, 1997, p. 591.
9. Prokhanov A.A. Religiya russkoy Pobedy [Religion of Russian Victory]. Available at: <http://maxpark.com/user/alexandrprohanov/content/735555> (accessed 12.01.2015).
10. Prokhanov A.A. Gospodin Geksogen [Mister Geksogen]. In: Prokhanov A.A. Coll. works in 15 vols. Moscow, Knizhnyy Klub Knigovek Publ., 2010. Vol. 6, p. 414.
11. Zhukov V.P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [The dic-

- tionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow, 1991, p. 134.
12. Prokhanov A.A. Rossiya — imperskiy proekt [Russia — the imperial project]. YaRnovosti, 28.08.2013. Available at: http://yarnovosti.com/rus/interview/Alexandr_Prohanov (accessed 12.01.2015).
 13. Prokhanov A.A. Tekhnologii “Pyatoy Imperii” [Technologies of “Fifth Empire”]. Available at: <http://read24.ru/read/aleksandr-prohanov-tehnologii-pyatoy-imperii> (accessed 12.01.2015).
 14. Prokhanov A.A. Pyataya imperiya [The fifth empire]. In: Prokhanov A.A. Collected works in 15 vols. Moscow, Knizhnyy Klub Knigovek Publ., 2010. Vol. 11, p. 152.
 15. Prokhanov A.A. Kholm [The Hill]. In: Prokhanov A.A. Collected works in 15 vols. Moscow, Knizhnyy Klub Knigovek Publ., 2010. Vol. 14, pp. 159-160.
 16. Kuzmenkin V. Aleksandr Prokhanov: “Ya veryu v russkoe chudo!” [Alexander Prokhanov: “I believe in Russian miracle!”]. Sibir'. Moment istiny, 20.04.2012, p. 2.
 17. Bondarenko V.I. Interv'yu s pisatelem Aleksandrom Prokhanovym [Interview with writer Alexander Prokhanov]. Den' literatury [The day of literature], 1998, no. 2, p. 3.
 18. Prokhanov A.A. Kreysirova sonata [Cruiser's sonata]. In: Prokhanov A.A. Collected works in 15 vols. Moscow, Knizhnyy Klub Knigovek Publ., 2010. Vol. 8, p. 288..